

инновациях, и здесь опять со всей остротой встает проблема разграничения генетических и ареальных изменений. Именно эта задача является для языков амазонского ареала наиболее далекой от решения.

В последующих главах дается описание отдельных языковых семей, представленных только (или преимущественно) в бассейне Амазонки и Ориноко; эти семьи были перечислены выше. Приводятся краткие сведения о внутренней генетической классификации, а также основные фонологические, морфологические и синтаксические характеристики языков (насколько это позволяет современное состояние научных знаний); средний объем главы сравнительно невелик – около 20 страниц. Изложение, как правило, иллюстрируется картами.

Данное издание будет наиболее полезно типологам, желающим составить хотя бы первоначальное представление об особенностях языков данного ареала; книга интересна также особой позицией авторов по вопросу языкового родства и существенным акцентом на ареальном сходстве языков и проблематике “языковых союзов”. Вместе с тем, данный обзор скорее подтверждает репутацию бассейна Амазонки как одного из наименее изученных и наиболее загадочных языковых ареалов, нуждающегося

в самом пристальном внимании как можно большего числа квалифицированных лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов Вяч. Вс.* 1988 – Современные проблемы типологии (к новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // ВЯ. 1988. № 1.
- Старостин С.А.* 1999 – О доказательстве языкового родства // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Derbyshire D.C., Pullum G.K. (Eds.)* 1986–1998 – Handbook of Amazonian languages. V. I–IV. Berlin, 1986–1998.
- Dixon R.M.W.* 1997 – The rise and fall of languages. Cambridge, 1997.
- Haspelmath M.* 1998 – Linguistics. 36. № 5. 1998: Rec.: R.M.W. Dixon. The rise and fall of languages.
- Klein H.E.M., Stark L.R. (Eds.)* 1985 – South American Indian languages: retrospect and prospect. Austin, 1985.
- Payne D.L. (Ed.)* 1990 – Amazonian linguistics: studies in Lowland South American languages. Austin, 1990.

В.А. Плунгян

В.Г. Гак. Языковые преобразования. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. 768 с.

Рецензируемая книга написана одним из самых известных представителей российской функциональной лингвистики, автором огромного количества работ по теории языка.

Главной задачей данного исследования, как указывается в предисловии, является создание общей типологии языковых преобразований, то есть типологии переходов от одного способа обозначения к другому (с. 9). Книга подводит итог многолетним изысканиям автора в данной области.

Основной текст состоит из четырех частей. Первая часть “Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века” содержит в себе пять глав. Рассматривая вопрос о плюрализме в лингвистических теориях в первой главе, автор видит наиболее существенное отличие новых тенденций “не в системе конкретных понятий и подходов, используемых в той или иной теории, но в общих положениях, касающихся теории познания” (с. 13). Выделяются две группы

факторов, обуславливающих плюрализм научной интерпретации (с. 16):

– объективные, или внутренние по отношению к объекту: недискретность и многоаспектность многих языковых явлений, а также асимметрия многих языковых знаков;

– субъективные, касающиеся субъекта исследования и связанные с особенностями человеческого мышления: нежесткий характер понятий, которыми оперируют люди, и “пластичность человеческого мышления и восприятия, тесно связанного с прагматизмом, с интересами и потребностями человека в момент речи” (с. 27).

Поскольку же “число разнообразных теоретических интерпретаций, касающихся определенного языкового явления, не бесконечно” и определяется самой спецификой данного явления, “иногда решения дублируют друг друга, хотя авторы и прибегают к различным терминологическим обозначениям” (с. 25). Однако “анархия” устраняется “благодаря исчислимости вариантов науч-

ных решений" (с. 31). Важнейшую роль играет и "нежесткость, пластичность мышления человека в момент речетворчества, его языкового мышления" (с. 32), которая проявлена, среди прочего, в образовании и обозначении в языке логических классов, а также в интерпретации предложений с "несимметричной анафорой". Например, в микротексте *Он взял Машину книгу. Она была недовольна местоимение она* относится к имени *Маша*, а не *книга*. Рассмотрев именованности понятий "истина" и "судьба" в народных пословицах и афоризмах, автор приходит к выводу, что "различия в номинациях, изменение отношений номинации объясняются изменением взгляда именуемого субъекта на именуемый объект" (с. 43).

Во второй главе демонстрируется то положение, что "подлинная точность в лингвистических исследованиях заключается не только в определении частотности явления, но в выявлении и учете **всех** форм существования данного явления, **всех** существующих способов выражения какого-либо значения в изучаемом языке" (с. 62). Именно для этого и используются логические исчисления в лингвистике: "выявив логически все теоретически возможные формы, исследователь стремится найти их в реальной изучаемой им области явлений" (с. 63). Этот прием применяется как для объяснения форм внутри одного языка, так и в сопоставлении языков (с. 99). Причем "исчислять можно не только факты языка, но и теоретические объяснения этих фактов" (с. 101). Поэтому неизбежен в лингвистике ограниченный плюрализм, поддающийся исчислению (с. 102).

В третьей главе показывается, как идея симметрии / асимметрии используется в языкознании. Исторически в этой области можно выделить три типа симметрии (с. 109):

- статическая симметрия отдельного объекта,

- гомологическая симметрия - отношение двух объектов;

- динамическая симметрия при развитии объектов.

Используется это противопоставление в семантическом описании, в исследовании предикации, фразеологии, даже в социолингвистике и лингвострановедении. Использование вида в некоторых конструкциях русского языка трактуется далее как один из компенсаторных механизмов.

Другая общеполитическая аналогия - между языком, орудием и товаром - рас-

сматривается, в функциональном ключе, в четвертой главе. Наконец, в пятой главе демонстрируются принципы функционального подхода к истории языка. При анализе многозначных грамматических форм возможны три точки зрения (с. 190):

- плюралистическая: в каждом из своих отдельных значений языковая форма образует особую единицу (грамматическая омонимия);

- унитарная, или глобалистская: все значения и употребления данной формы сводятся к единому общему значению (моносемия);

- функциональная: есть разные значения, несводимые к одному общему значению, причем одни значения могут вытекать из других (полисемия).

Вторая часть "От ситуации к высказыванию (отобразительная функция языка)" состоит из девяти коротких глав. В функционалистском ключе характеризуются: задачи ономастологии (первая глава), противопоставление полных знаков частичным (вторая глава), соотношение языка и действительности (третья глава), семантические отношения в языке с диалектической точки зрения (четвертая глава). Высказывание, в отличие от предложения, соотносится с тем аспектом, в котором осмысленно говорить о связи с ситуацией (глава пятая).

На основании ситуативных свойств устанавливаются глубинные семантические структуры, "изоморфно отображающие действительность" (с. 271); поэтому и можно принять, что чисто синтаксические свойства предложения могут быть и асемантическими, и полностью семантическими (см. главу шестую). Отражение элемента ситуации в плане содержания образует семантему (ей в плане выражения соответствует лексема), а отражение аспекта - семантическую категорию (ей соответствует сема, репрезентируемая морфемой, с. 274). Автор показывает в седьмой главе, что "изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к выявлению итеративных сем (синтагмем) и определению их функций в организации высказывания" (с. 297). Чтобы быть полной, модель языкового синтеза на уровне речи должна включать:

- перечень всех способов выражения определенного значения (структурная модель);

- установление соотношения между этими синонимичными средствами выражения (семантическая модель);

- установление закономерности выбора конкретных языковых средств из числа

допустимых системой и нормой языка в условиях данного контекста и ситуации (ситуационная модель) (с. 299–300, глава восьмая).

В девятой главе оспаривается тезис о том, что "грамматические средства отличаются от лексических отсутствием номинативной функции" (с. 316). Ведь к номинативным средствам можно отнести и синтаксические средства, "если они выступают в своей значимой функции. Семантический линейный аспект имеет даже порядок слов" (там же). Зависимость употребления языковых форм от обозначаемой действительности автор усматривает в косвенной номинации, когда сочетаются "слова, обозначающие объекты, реально несовместимые", например: *время ползет, стоит тишина*.

Часть третья "Виды языковых преобразований" включает в себя шесть глав. На языковую вариативность здесь предлагается взглянуть как на частное проявление варьирования вообще, процесса, обладающего причинной, формой движения и результатом (первая глава). Проводится следующее разграничение языковых преобразований предложения, взятого вне ситуации (вторая глава): трансформация – "изменение грамматической модели при сохранении лексемного состава и смысла (значения), перифраза – изменение модели и лексического наполнения при неизменности содержательной стороны высказывания" и деривация – "изменение во всех аспектах предложения, включая его смысловое содержание" (с. 374). В третьей главе показывается, что четыре типа лексико-семантических транспозиций (конкретизация, анатомический перевод, смысловое развитие и компенсация), выделяемые в теории перевода, соответствуют четырем основным типам логических отношений между понятиями.

Глубинными структурами в главе четвертой предлагается называть те, в которых синтаксическая структура аналогична структуре ситуации, а поверхностные создаются путем трансформации глубинных, когда параллелизм синтаксических и семантических актантов нарушается. Причем номинации (например, номинации действия) образуют расплывчатое множество (с. 452). Специфика структуры языка, а особенно лексико-семантической структуры, как показывается в пятой главе, определяется особенностями в использовании языковых универсалий (что особенно хорошо видно из реализации антропоморфизма в разных языках) и наличием "неуниверсальных" явлений (с. 454). Здесь

же дается общая типология метафорических номинаций (с. 460) и показывается, что разные типы метафор в разной степени представительны в языках мира. Так, в русском языке частичные метафоры представлены больше, чем полные, ср. французское *manger* и русское *есть* и *разъедают*, *menotte* – *ручка* и *наручник* и т.п. (с. 488). Интересна идея составления «общей "карты" метафорических связей между отдельными словами-понятиями» (с. 496). Особый случай представляют собой количественные преобразования (шестая глава), когда при переводе с одного языка на другой, в соответствии с грамматическим строем целевого языка, опускается или добавляется какой-либо элемент, решаются определенные конструктивные и/или коммуникативные задачи или избегается ненужный семантический сдвиг.

Как указывается в кратком предисловии к четвертой части "Факторы и сферы реализации языковых преобразований", языковым преобразованиям (в истории языка, в переводе и в сопоставлении языков) особенно способствуют: повторная номинация (вторичное наименование предмета), главным образом в стилистических целях, и эмоциональные и прагматические факторы. Повторная номинация, как показывается в первой главе этой части, может рассматриваться с парадигматической (отношение наименования к объекту), синтагматической (различаются дистантные и сопряженные повторные номинации) и функциональной точек зрения (различие нейтральной и экспрессивной повторной номинации). Прагматический подход, "понижая" уровень лингвистического анализа, делает его "более содержательным и углубленным" (вторая глава, с. 559), демонстрируя в высказываниях полифонию (с. 560).

В третьей главе варьирование номинации рассматривается в переводах с древнерусского на русский, со старофранцузского на современный французский и с французского на русский и наоборот. Показывается, что основные формы варьирования во всех этих случаях аналогичны друг другу (с. 587), а поэтому вряд ли оправданно говорить о прогрессе и совершенствовании строя языка в лексической области (с. 606). Варьирование же лежит в основе построения "эмотивных блоков" в рамках высказывания (являющихся, как показывается в четвертой главе, средством членения текстов и усиления психологического воздействия на адресата): сходные элементы сосредотачиваются в начале, в конце или в середине такого блока.

Рассматривая преобразования в лексико-семантических полях (пятая глава), автор дает интересную систематизацию слов поля ментальности, пространственности, времени и речи. Особое семантическое пространство образуют лексемы, соотносимые по этимону, например, все производные в русском языке от *конь/лошадь*, от латинского *caballus* и от греческого *huppos*. Этот анализ, в аспекте семантических преобразований, проводится для групп *земля, рука, голова* (шестая глава), что дает автору возможность утверждать "общность закономерностей человеческого мышления, несмотря на различие языков" (с. 719).

Продолжая эту идею, автор показывает в седьмой главе, как одна и та же реалья может получать номинации различной внешней и внутренней формы в различных языках. Материалом послужили именованя поля *сноха* и семантические сдвиги, связанные с ними в европейских языках, а также сопоставление библейских фразеологизмов в русском и французском узусах. Показывается, что в русском больше цитат-

ных фразеологизмов, они менее вариативны и дают меньше производных, но употребительны во всех стилях речи (с. 743). Наконец, "в большинстве случаев индивидуальное творчество авторов сводится к специфическому индивидуальному использованию общих типов языкового варьирования" (с. 745), что показывается на примере произведений Б. Пильняка и при сопоставлении басен Лафонтена с текстами И.А. Крылова в восьмой главе.

Читатель постоянно испытывает радость от обилия новых фактов (особенно из французского и русского языков), которыми книга просто переполнена. Факты тщательно выверены и любовно отобраны. Наблюдения автора нетривиальны, достоверны и зачастую неожиданны, сенсационны в хорошем смысле слова.

Можно пожелать В.Г. Гаку дальнейших научных публикаций, а себе – приятных встреч с новыми замечательными произведениями этого талантливого исследователя.

В.З. Демьянков

Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под ред. Н.М. Фирсовой. М.: Наука, 1998. 606 с.

Настоящий Словарь является первым в мировой лексикографии опытом испанско-русского словаря латиноамериканизмов. Его создание было стимулировано расширением и углублением культурно-политических контактов и экономических связей с государствами Латинской Америки, а также появлением в лингвистике нового направления – "Межкультурной коммуникации".

На фоне возросшего интереса к Латинской Америке, а также благодаря интересу к социолингвистике, в российской романистике прочно утвердилась точка зрения, согласно которой "американские формы национальной речи как объекты исследования должны сопоставляться на равных правах с пиренейской национальной речью" [Степанов 1979: 128]. Отсюда основная цель составителей – восполнить такой существенный пробел в лексикографии, как отсутствие специального испанско-русского словаря латиноамериканизмов.

Словарь объемом 52 п.л. содержит 50 тысяч слов и словосочетаний, охватывающих основной лексический состав современного испанского (функционирующего в латиноамериканских национальных вариантах) литературного языка, разговорно-оби-

ходную и просторечную лексику, наиболее распространенные термины.

Необходимо подчеркнуть сложность и трудоемкость той работы, которая предшествовала описанию лексического и фразеологического материала и его организации. При отборе данных использовались практически все имеющиеся к моменту написания Словаря специальные "панамериканские" словари латиноамериканизмов. (Например, *Americanismos. Diccionario ilustrado*. Sopena. Barcelona, 1983; *Neves Alfredo N. Diccionario de americanismos*. Sopena, 1973; *Santamaría F.J. Diccionario general de americanismos*. México, 1942; *Malaret A. Diccionario de americanismos*. Buenos Aires, 1946). Анализировались также "национальные" словари кубанизмов, колумбианизмов, боливианизмов, аргентинизмов и т.д., изданные в различных государствах Латинской Америки (См., например, *Henríquez Ureña P. Diccionario de voces indígenas de Puerto Rico*. Madrid, 1977; *Lara L.F. Diccionario básico del español de México*, 1986; *Subercaseaux M. Diccionario de chilénismos*. Santiago de Chile, 1986; *Tejera M.J. Diccionario de venezolanismos*. Т. 1, 2. Caracas, 1983–1985.)

Поскольку информация о латиноамериканизмах, представленная в имеющихся